

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 930.1

Е. Л. Сараева

Осмысление Ивановым-Разумником идей А. С. Пушкина об отношении личности к обществу

В статье анализируются идеи русского историка начала XX в. Иванова-Разумника о мировоззрении Пушкина в контексте теории формирования русской интеллигенции.

Ключевые слова: Иванов-Разумник, история России, А. С. Пушкин, интеллигенция, мещанство, индивидуализм, реализм.

E. L. Saraeva

Understanding by Ivanov-Razumnik A. S. Pushkin's Ideas about the Relation of the Personality to the Society

In the article ideas of the Russian historian of the beginning of the XX century Ivanov-Razumnik about Pushkin's outlook in the context of the theory of the Russian intelligentsia formation are analyzed.

Keywords: Ivanov-Razumnik, history of Russia, A. S. Pushkin, intelligentsia, lower middle classes, individualism, realism.

Современная методология истории наследует лучшие традиции исторических концепций предшествующего времени, в частности исследований, выполненных в русле феноменологического направления начала XX в., ориентированного на изучение картины мира яркой индивидуальности, типологизацию культуры социальных групп. Решение задачи осмысления личностного начала в истории предполагает усиление внимания к духовному миру интеллектуалов. Саморефлексия была свойственна многим русским интеллигентам, размышлявшим над вопросами о своем предназначении, взаимоотношениях индивида и социума. Самосознание личности способствовало выработке системы ценностей, осмыслению проблемы «личность и общество», занявшей ключевое место в картине мира русских интеллектуалов. По мнению современной исследовательницы В. Г. Рыженко, изучение истории интеллигенции необходимо связать с самостоятельной личностью, *создающей свое культурное пространство*» [7. с. 14].

Исследователи начала XX в. – Н. А. Бердяев, М. О. Гершензон, А. Н. Веселовский, Ч. Ветринский, Иванов-Разумник, П. Н. Милюков, Д. Н. Овсянко-Куликовский и другие – обратились к анализу личностной культуры ярких пред-

ставителей духовной элиты первой половины XIX столетия, значимой чертой интеллектуального творчества которых стало осмысление своего предназначения, саморефлексия. Работа Иванова-Разумника интересна выявлением в мировоззренческом комплексе интеллектуалов проблемы «личность – общество».

На самосознание личности влиял социокультурный контекст эпохи – общепринятые или широко распространенные в различных социальных кругах культурные нормы, соблюдение которых было обязательным, а также представления об успешности человека, о сферах его самореализации, круге интересов и общения. Русское общество первой половины девятнадцатого столетия было носителем многих ментальных представлений, унаследованных от традиционной культуры. Оно было сориентировано и на новые, прежде всего европейские модели жизни. Смесь традиционных установок с современными требованиями к культуре индивида осложняла формирование модального типа личности [1].

Эпоху 20–50 гг. XIX в. западники, мыслители конца 30 – начала 50 гг. этого же столетия, рассматривали как «переходный период». О переходном состоянии общества свидетельствовали встречающиеся «полюсы человечества» – от не-

бритой патриархальности до почитателей европейской культуры. Разные круги имели свои потребности, говорили на своих языках, не понимая друг друга, отмечал А. И. Герцен [2, с. 52–53]. По его мнению, общество распалось на *образованную часть («книжников»), бесцветную пошлую промежуточную среду без высоких стремлений и интересов и бесправный народ*. В это время сформировался духовный облик русской интеллигенции, определилась проблематика ее мысли, были созданы произведения, повлиявшие на выработку национального самосознания.

1820–1830-е гг. в исследовательской литературе характеризуются как эпоха расцвета «философского романтизма». По мысли **Иванова-Разумника**, ему противостоял, а затем одержал «блестящую победу» реализм, ставший духовной и литературной силой [3, с. 153]. Какой смысл вкладывал в понятие «реализм» Иванов-Разумник? Историк характеризовал этот термин в рамках бинарной оппозиции: *«романтизм» – «реализм»*. Рассматривая *реализм* как противоположность романтизму, он определял это явление как «общее и вечное свойство человеческого духа, стремление к эмпирической действительности, любовь к земному, добровольное ограничение себя пространством трех измерений; реализм – это неумная любовь к “человеческому, слишком человеческому”, любовь к “пределам предельного” и полное отрицание стремлений и проникновений за эти пределы» [3, с. 154]. Идеалы реалистов почвеннические, их можно воплотить в жизни, они «из плоти и крови», «тесно связаны с землей, с эмпирической действительностью» [3, с. 154]. В отличие от романтизма, реализм чувствует глубокую вражду «ко всему “потустороннему”, трансцендентному, за пределами» [3, с. 154]. В дискурсе Иванова-Разумника реализм и романтизм определяются такими основными элементами их общего культурного кода и мирозерцания индивидуальности, как «предельное» – «запредельное». Понимая схематичность этой дихотомии человеческого духа, историк был уверен, что «за этой схемой лежит действительность» – существование в сознании человека «элементов и реализма и романтизма» [3, с. 154]. Преобладающий компонент в ментальности определяет тип культуры индивида. Характеризуя людей по идеалам («земным» или «за пределами предельного»), Иванов-Разумник, как и его предшественники, выделял два «психологических типа» личности – «реалистов» и «романтиков» [3, с. 154–155].

«Пушкинская эпоха» в русской культуре (20–30 гг. XIX в.) – время выработки новых типов личности, становления гуманистической культуры, преодолевшей традиционные установки и нормы общественных отношений. Яркие представители русской интеллигенции создали свои «Я-концепции», определив ценностные ориентиры, смысл своей деятельности и участия в общественной жизни. Одним из творцов культуры личности реалиста был А. С. Пушкин. Разработка талантливыми представителями русской интеллигенции идей о развитии личности и ее взаимоотношениях с обществом была исключительно значима для трансформации духовной культуры социума в переходный период.

Иванов-Разумник применил *персональный подход*, в основе которого лежал идиографический метод к осмыслению духовного облика и деятельности интеллигенции. Историк, умело синтезировавший *проблематику микро- и макроистории* (в современной терминологии), отмечавший в творчестве ярких индивидуальностей общие черты культуры интеллигенции, определял особенности ее мировосприятия и самосознания.

Осмысление идей А. С. Пушкина о развитии личности и ее отношений с обществом – важная исследовательская задача, сформулированная Ивановым-Разумником, желавшим определить влияние поэта на развитие индивидуалистического воззрения культурных людей в России. В проблематике мысли Пушкина Иванов-Разумник выделил «вопрос об отношении личности к обществу» [3, с. 166]. Познание своей человеческой сущности – важнейшее условие становления поэта как независимой индивидуальности, выработавшей свою «Я-концепцию».

Что значимо было для Иванова-Разумника в пушкинском взгляде на развитие личности? Прежде всего, историк отметил, что проблема личности и общества разрабатывалась Пушкиным в традициях реализма. По мнению историка, с позиций реализма впервые дал характеристику русского общества А. С. Грибоедов. «Духовно близкий до 1825 года к декабристам молодой Пушкин взял это оружие в свои руки» [3, с. 153]. Пушкин закрепил в русской литературе и русской жизни реализм, царивший в ней почти три четверти века, став «одним из величайших представителей реализма... реалистического мировосприятия, реалистического типа сознания» [3, с. 155].

Значение реализма Иванов-Разумник видел в *пробуждении интереса к реальной, эмпирической*

личности. Поскольку термин «личность» стал одной из основных категорий его дискурса, историк раскрыл его содержание в различных контекстах. Он полагал, что в *социологическом смысле* желательнее использовать понятие «человек» или «социологическая личность». Слово «личность» Иванов-Разумник употреблял для характеристики нравственных ценностей – этики: «личность» есть понятие «этическое», позволяющее говорить об «этической личности». Понятие «эмпирическая личность» в дискурсе Иванова-Разумника приобрело значение «человеческой личности», взятой с точки зрения индивидуальных переживаний. В центре реалистической культуры находится «эмпирическая личность», заявлял Иванов-Разумник.

Мировоззрение Пушкина Иванов-Разумник относил к «индивидуалистическому». Особенность индивидуализма поэта он видел в сочетании всех трех его видов – социологического, этического и эстетического. В восприятии Иванова-Разумника, Пушкин был социологическим индивидуалистом, так как требовал полного освобождения личности, а «вслед за Карамзиным делал шаги по направлению “этического индивидуализма” в своем “гуманитете” (недаром основным свойством его поэзии Белинский признавал гуманность, “разумея под этим словом бесконечное уважение к достоинству человека как человека”); в то же время он вслед за Жуковским приближался в области лирики к “эстетическому индивидуализму”...» [3, с. 156].

Расправа над декабристами, по мнению Иванова-Разумника, заставила Пушкина, не отказавшегося от своих идей, затвориться «в гордом одиночестве эстетического индивидуализма», видя цель поэзии в самой поэзии, а цель поэта – во всей широте человеческой жизни [3, с. 158–160]. Тему «эстетического индивидуализма» Пушкина Иванов-Разумник раскрывает, анализируя произведения поэта: «Разговор книгопродавца с поэтом», «Поэту», «Эхо», «Моцарт и Сальери», «Галуба», «Медный всадник», созданных в последекабристский период. «Эстетический индивидуализм» Пушкина, полагал историк, заключался в осознании поэтом, гордым в своем одиночестве, своей творческой мощи и независимости от публики и критики.

Вопрос об отношении личности к обществу и государству, доказывал Иванов-Разумник, по-прежнему оставался значимым для Пушкина в эти годы. Поэт решал его с позиции «социологического индивидуализма», но с вариациями, размышляя

в поэме «Медный всадник» над вопросом о праве государства подчинять себе человека.

Заданный историком вектор исследования мировоззрения Пушкина – выявить черты разных видов индивидуализма в социальной, нравственной позиции поэта и его отношении к искусству – одновременно позволял выделить различные грани в его картине мира и искусственно ее схематизировал. Так, в стихотворении «Поэту» (1830) Иванов-Разумник видел только яркую проповедь «эстетического индивидуализма» [3, с. 160].

Полагаем, что в строках из стихотворения «Поэту»: «Ты царь: живи один. Дорогою свободной Иди, куда влечет тебя свободный ум» [4, с. 327], Пушкин заявлял о своей самоценности, праве на свободное широкое развитие личности: свободу творчества, мысли, праве определять свою жизненную позицию, судьбу, на самоуважение, независимость, самореализацию, на выбор сферы деятельности. Индивидуальность была настолько значима для поэта, что он сравнивал свою жизненную позицию с правом царя на неограниченный выбор. Человек сам для себя «царь», и это должны понимать и воспринимать другие представители социума. В этом самоопределении Пушкина просматриваются не только черты «эстетического», но «социологического» и «этического» индивидуализма (в терминологии Иванова-Разумника).

Эти же идеи развиваются поэтом и в стихотворении «Из Пиндемонти» (1836). Пушкин, будучи внутренне свободной личностью, дистанцируется от власти, не проявляя желания иметь «громкие права»: собирать налоги, определять отношения между странами. Он дорожил правом не зависеть ни от царя, ни от народа, не претендуя на возможность, даже самую малую, влиять на их жизнь, полагая, что Бог позаботится об их судьбе. Для него были равно не значимы ни власть царя, ни власть народа.

«Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Все это, видите ль, слова, слова, слова¹
Иные, лучшие, мне дороги права;
Иная, лучшая, потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не все ли нам равно? Бог с ними» [5].

В систему ценностей Пушкина не входила власть над людьми. Но он очень четко определил право личности на независимость от государства и народа, воспринимая свою индивидуальную свободу как «лучшие», «дорогие права».

Нравственная и интеллектуальная свобода, независимое социальное поведение, свобода самовыражения, познания мира, богатая и самостоятельная духовная жизнь – ценностные ориентации Пушкина, выраженные в его мысли:

«Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
Вот счастье! вот права...» [5].

В современных исследованиях истории русской интеллигенции XIX в. развивается мысль о влиянии властных отношений на формирование духовного облика, социальной позиции интеллектуалов. Т. А. Сабурова, моделируя взаимоотношения интеллигенции и власти в России второй половины XIX в., пришла к выводу о необходимости дистанцирования культурной элиты от государства, если она стремится к свободному творчеству культуры, стремится выполнять свою социальную функцию духовного развития общества: «Идентификация интеллигенции со второй половины XIX века тесно связана с дистанцированием от власти, поэтому важно учитывать степень и характер этого дистанцирования, который определяет соответствующие стратегии поведения. Дистанция между интеллигенцией и властью начала образовываться вместе с формированием интеллигенции как социальной группы, так как наличие такой дистанции необходимо интеллигенции для реализации своей социальной функции. Поэтому уже с начала XIX века (это время можно считать временем начала формирования русской интеллигенции вследствие выделения достаточно независимой интеллектуальной элиты как ядра интеллигенции) до второй половины XIX века, когда интеллигенцию как группу можно считать сформированной, дистанция между интеллигенцией и властью определяется как один из группообразующих факторов для интеллигенции» [8]. Самоидентификация русской интеллигенции, считают специалисты, осуществлялась в рамках триады «государство, интеллигенция, народ». Т. А. Сабурова, объясняя методику моделирования взаимо-

отношений интеллигенции и власти, предупреждает, ссылаясь на идеи И. М. Соловьевой и А. В. Полетаева, что «любая модель или схема, как известно, является лишь условным аналогом реальных процессов» [9].

Важно, что идея независимости интеллигенции от государства как условия ее формирования является не только элементом теоретической конструкции, разработанной историками, но и чертой социальной, нравственной, поведенческой позиции деятелей русской мысли, прежде всего, Пушкина, повлиявшего на духовное становление культурной элиты в стране. Идея свободы личности от диктата власти и общества была присуща Пушкину во все периоды его жизни, являлась элементом его «Я-концепции».

Проблема взаимоотношений государства и «маленького человека» – одна из тем поэмы Пушкина «Медный всадник». «На чьей стороне симпатии Пушкина?» – задает вопрос Иванов-Разумник. По мысли Иванова-Разумника, Пушкин считал преобразование России Петром I настолько необходимым и значимым, что государство имело право подчинить личность своим интересам. Историк утверждал, что отношение Пушкина к Петру было противоречивым: он признавал заслуги Петра и выражал яркий протест поглощенной безжалостным Левиафаном индивидуальности, «проклинающей пресловутую “историческую необходимость”»: «Личность не только погибает, но и побеждается государством, и Пушкин как бы предлагает личности смириться перед поглощающим ее Левиафаном, олицетворенным в образе Медного всадника. С одной стороны – Петр, гигант на бронзовом коне, властно вздергивающий уздой железной Россию на дыбы, властно подавляющий права личности ради блага всего государства, властно воздвигающий “из тьмы лесов, из топи блат” огромный город на гибель сотням и тысячам отдельных личностей; с другой стороны – представитель этих последних, единичная и добровольно бесцветная личность, быть может, даже слишком бесцветная, почти ничтожная, но противопоставляемая стихийной общественной силе гиганта из меди и бронзы» [3, с. 164–165]. Иванов-Разумник считал свою трактовку конфликта петровского государства с личностью схожей с интерпретацией В. Г. Белинским неизбежности подавления властью индивида в период преобразований начала XVIII века: «При взгляде на Великана... мы хотя и не без содрогания сердца, но сознаем, что этот бронзовый гигант не мог уберечь участи

индивидуальностей, обеспечивая участь народа и государства» [3, с. 164]. Однако мысль Белинского несколько иная, чем Иванова-Разумника. Белинский сочувствовал человеку, гибнущему по воле царя Петра, и не развивал идею смирения человека перед государством.

Полагаем, что Иванов-Разумник ошибался, называя героя поэмы Евгения «бесцветным», «ничтожным». У Пушкина нет уничижительных оценок Евгения. Наоборот, поэт, представляя систему ценностей своего героя, заявлял о праве человека на уважение его чести, достоинства, на мечту о любви, семье, детях, внуках, доме, достатке, уюте, семейном благополучии:

«Но что ж, я молод и здоров,
Трудиться день и ночь готов;
Уж кое-как себе устрою
Приют смиренный и простой
И в нем Парашу успокою.
Пройдет, быть может, год-другой –
Местечко получу, Параше
Препоручу семейство наше
И воспитание ребят...
И станем жить, и так до гроба

Рука с рукой дойдем мы оба, И внуки нас похоронят...» [6, с. 174].

Герой Пушкина исповедовал нравственные и семейные ценности, присущие самому поэту. Пушкин утверждал право человека на жизнь! Он задал вопрос о ценности жизни:

«...иль вся наша
И жизнь ничто, как сон пустой.
Насмешка неба над землей?» [6, с. 177].

Трудно согласиться с мыслью Иванова-Разумника о том, что Пушкин «наказывает сумасшествием своего бесцветного героя за его дерзкое проклятье стихийной силе того», по чьей воле был основан город над морем [3, с. 164]. Согласно сюжету, Евгений потерял рассудок, когда понял, что его любимая девушка погибла во время страшного наводнения. Не потеряв ни работу, ни комнату, ни средства к существованию во время стихии, Евгений *потерял смысл жизни*. У него не было сил и желания влачить свое существование после гибели невесты, все для него потеряло значение.

«...Евгений
Стремглав, не помня ничего,
Изнемогая от мучений, Бежит туда, где ждет его
Судьба с неведомым известьем,
Как с запечатанным письмом.
И вот бежит уж он предместьем,
И вот залив, и близок дом...

Что ж это?..

Он остановился.

Пошел назад и воротился.

Глядит... идет... еще глядит.

Вот место, где их дом стоит;

Вот ива. Были здесь ворота –

Снесло их, видно. Где же дом?

И, полон сумрачной заботы,

Все ходит, ходит он кругом,

Толкует громко сам с собою –

И вдруг, ударяя в лоб рукою,

Захотел» [6, с. 178–179].

Сумасшествием Евгения Пушкин усиливал мысль о высокой ценности любви, семьи, человеческой жизни – своей и дорогих людей. Он практически ничего не пишет о материальной стороне жизни своего героя, от его имени утверждая несопоставимо более высокие ценности. Видимо, не случайно Пушкин обрек Евгения на скитания по городу, на полное пренебрежение после трагедии кровом, работой. Гибель Евгения – следствие краха всех надежд на любовь и создание семьи, рождение детей.

Тема конфликта Евгения с Петром, олицетворением которого была скульптура «Медный всадник», – одна из основных сюжетных линий поэмы, представлявшая идеи Пушкина о взаимоотношениях человека с властью. Считаем, что Пушкин, как и многие интеллектуалы, был приверженцем мысли о великой России, одной из центральных в системе его национальных идей. Полагаем, что Пушкину удалось проникнуть в замысел Петра I о создании на топких берегах Финского залива города, которому предназначено было стать «военной столицей», «твердыней», позволявшей «ногою твердой стать при море», «грозить... надменному соседу», стоять «неколебимо, как Россия», принимать «все флаги в гости» [3, с. 170–171]. Несомненно, пушкинский образ великой России расходился с петровской идеей сильной державы, поскольку поэт иначе, чем царь, воспринимал ценность человеческой жизни. Не значимый для «мощного властелина судьбы» маленький по своему социальному статусу человек с его мечтой о личном счастье вызывал у поэта сострадание, сочувствие, понимание, уважение. Трудно согласиться с мыслью Иванова-Разумника, что в творчестве позднего Пушкина были лишь проблески этического индивидуализма, а в «Медном всаднике» поэт считал возможным «не безусловно» встать «на сторону представителя “государственной необходимости” в его борьбе с личностью» [3, с. 165].

Разделяя мысль В. Г. Белинского о способности поэзии Пушкина «развивать в людях чувство изящного и чувство *гуманности*», разумея под этим словом бесконечное уважение к достоинству человека как человека», Иванов-Разумник назвал поэта борцом «за права личности против мещанства» [3, с. 172]. Изучая социально-этические взгляды Пушкина в системе координат «личность, общество, власть», Иванов-Разумник считал, что поэт с большими оговорками признавал право государства подчинять себе личность, но отрицал «самым категорическим образом» власть общества над личностью [3, с. 167].

В представлении Иванова-Разумника, под обществом николаевской эпохи Пушкин имел в виду «бюрократическую аристократию». Историк характеризовал эту социальную группу как «носителю идеалов и системы официального мещанства», противопоставляя ее личности Пушкина, ведшего с ней борьбу «за цельность своей индивидуальности» [3, с. 167]. Иванов-Разумник оценивал эту борьбу личности с мещанством аристократии как «социологический индивидуализм». В своей личной жизни Пушкин вел борьбу за независимость, исходя из мысли о вольности дворянства. По мнению Иванова-Разумника, Пушкин подчеркивал свою принадлежность к дворянству не из сословных предрасудков, а желая заявить о своей свободе от власти высокопоставленных чиновников. Историк привел строки Пушкина из письма Бестужеву, где поэт отстаивал свою независимость: «Мы не хотим быть покровительствуемы равными – вот чего подлец Воронцов не понимает, он воображает, что русский поэт явится в его передней с требованием на уважение, как шестисотлетний дворянин. Дьявольская разница!» [3, с. 168]. Эпитеты «толпа», «чернь», «бессмысленный народ» в текстах Пушкина, как утверждал Иванов-Разумник, характеризовали «бюрократическую аристократию», светских придворных, «мещанскую толпу», попиравшую права личности. По мнению Иванова-Разумника, Пушкин вел борьбу с мещанством, закончившуюся гибелью поэта: «Он погиб. Но не был побежден: побежденным он оказался бы тогда, если бы под давление среды воспринял мораль окружающего его мира, отказался бы от своих былых верований, стал жить, “как все”, в угоду светской черни и удовлетворился такой жизнью» [3, с. 172].

Обобщая свои представления о решении Пушкиным проблемы отношения личности к обществу, Иванов-Разумник утверждал, что поэт

шел «от признания прав личности, от индивидуализма, к борьбе с этическим мещанством» [3, с. 186]. Проблема «личность – общество» оставалась одной из центральных в творчестве Пушкина до конца его жизни. Пушкин, провозглашая права *реальной личности*, формировал духовную культуру русской интеллигенции, заявлял Иванов-Разумник. В мировоззрении Пушкина Иванов-Разумник выделял черты «социологического» (мысль о независимости человека от общества), «этического» (представление об уважении достоинства личности) и «эстетического» (идея свободы творчества) индивидуализма. Значимо суждение Иванова-Разумника о том, что Пушкин не только в произведениях, но и в своей жизни защищал право личности на независимость от государства и социума. Индивидуализм и гуманизм, дистанцирование от власти и мещанской толпы, не признающей яркую личность, борьба за свою духовную независимость стали родовыми чертами, элементами культурного кода русской интеллигенции, считал Иванов-Разумник. Важно, что он отмечал глубокий реализм мировоззрения Пушкина, размышлявшего над проблемами, значимыми для развития личности в то историческое время. Иванов-Разумник исследовал тему «Пушкин об отношении личности к обществу» в рамках нескольких координат: «индивидуализм – антииндивидуализм», «социологический, этический, эстетический индивидуализм», «интеллигенция – мещанство», «интеллигенция – государство».

Необходимо отметить такие *черты методики исторического труда Иванова-Разумника*, как четкая постановка исследовательской задачи, последовательность анализа заявленной проблемы, разработка терминологического аппарата и использование понятий со строго определенным содержанием, логичность и аргументированность суждений, обращение ко всем значимым произведениям интеллектуалов, авторская интерпретация текстов, выявление исторического контекста творчества изучаемого деятеля, применение принципа историзма, историко-сравнительного метода изучения проблемы.

Библиографический список

1. Большой психологический словарь [Электронный ресурс] / под ред. Б. Г. Мещерякова, акад. В. П. Зинченко. – М., 2003. – Режим доступа: // [HTTP://PSYCHOLOGY.ACADEMIC.RU/6772](http://psychology.academic.ru/6772).

2. Герцен, А. И. Капризы и раздумья [Текст] / А. И. Герцен // Собрание сочинений: в 30 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1954–1966. – Т. 2. – С. 49–102.

3. Иванов-Разумник. История русской общественной мысли [Текст] / Иванов-Разумник : в 3 т. – М.: Республика; TERRA, 1997. – Т. 1.

4. Пушкин, А. С. Поэту // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 6 т. – М., 1969. – Т. 1. – С. 327.

5. Пушкин, А. С. (Из Пиндемонти) // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 6 т. – М., 1969. – Т. 1. – С. 423.

6. Пушкин, А. С. Медный всадник [Текст] / А. С. Пушкин // Пушкин А. С. Собрание сочинений : в 6 т. – М., 1969. – Т. 3. – С. 170–183.

7. Рыженко, В. Г. Российские интеллигенты – инициаторы и пропагандисты идеи межкультурного диалога [Текст] / В. Г. Рыженко // Межкультурное взаимодействие и его интерпретации. – М., 2004. – С. 14–15.

8. Сабурова, Т. А. Взаимоотношения интеллигенции и власти в России во второй половине XIX века: опыт моделирования [Электронный ресурс] / Т. А. Сабурова. – Режим доступа: http://www.ihist.uran.ru/uiv/n10_11/272.html.

9. Савельева, И. М., Полетаев, А. В. История и время. В поисках утраченного [Текст] / И. М. Савельева, А. В. Полетаева. – М., 1997.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bol'shoy psikhologicheskiy slovar' [Elektronnyj resurs] / pod red. B. G. Meshcheryakova, akad. V. P. Zinchenko. – M., 2003. – Rezhim dostupa: // [HTTP://PSYCHOLOGY.ACADEMIC.RU/6772](http://PSYCHOLOGY.ACADEMIC.RU/6772).

2. Gertsen, A. I. Kaprizy i razdum'ya [Tekst] / A. I. Gertsen // Sobraniye sochineniy: v 30 t. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1954–1966. – T. 2. – S. 49–102.

3. Ivanov-Razumnik. Istoriya russkoy obshchestvennoy mysli [Tekst] / Ivanov-Razumnik: v 3 t. – M.: Respublika; TERRA, 1997. – T. 1.

4. Pushkin, A. S. Poetu // Pushkin A. S. Sobraniye sochineniy: v 6 t. – M., 1969. – T. 1. – S. 327.

5. Pushkin, A. S. (Iz Pindemonti) // Pushkin A. S. Sobraniye sochineniy: v 6 t. – M., 1969. – T. 1. – S. 423.

6. Pushkin, A. S. Mednyy vsadnik [Tekst] / A. S. Pushkin // Pushkin A. S. Sobraniye sochineniy: v 6 t. – M., 1969. – T. 3. – S. 170–183.

7. Ryzhenko, V. G. Rossiyskiye intelligenty – initsiatory i propagandisty idei mezhkul'turnogo dialoga [Tekst] / V. G. Ryzhenko // Mezhkul'turnoye vzaimod-eystviye i yego interpretatsii. – M., 2004. – S. 14–15.

8. Saburova, T. A. Vzaimootnosheniya intelligentsii i vlasti v Rossii vo vtoroy polovine XIX veka: opyt modelirovaniya [Elektronnyj resurs] / T. A. Saburova. – Rezhim dostupa: http://www.ihist.uran.ru/uiv/n10_11/272.html.

9. Savel'yeva, I. M., Poletayev, A. V. Istoriya i vremya. V poiskakh utrachenogo [Tekst] / I. M. Savel'yeva, A. V. Poletayeva. – M., 1997.